

УДК 811.161.3'373

В. С. Сидорец

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ВЕРБОИДАМИ
АСПЕКТУАЛЬНО-АКЦИОНСАРТНОЙ И ЗАЛОГОВОЙ СЕМАНТИКИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» освещается лексико-семантическое, морфологическое и деривационное своеобразие неоднословных наименований предикатного признака с десемантизированным компонентом – вербоидов, исследуются их текстовые трансформации, обусловленные повествованием, которые реализуют интенционал вербоидов в нужном для писателя смысловом направлении.

Как уже неоднократно отмечалось нами [1; 2], неоднословные предикаты с десемантизированным компонентом – вербоиды – отличаются динамичной деривационной структурой, восходящей к структуре словосочетаний и предложений. Естественно, они характеризуются мощным интенционалом – ёмким содержанием, которое органично связано с богатым набором валентностных, сочетаемостных [3, 31–32; 4] свойств, раскрывающих потенции вербоидов.

С учётом этого вербоиды – сочетания деривантов, десемантизированных глаголов, и предикатных существительных (вести диалог, давать приют, испытывать радость, нести потери, произошла демонстрация, совершать акты вандализма, состоялся митинг) – весьма востребованы контекстом, так как они мобильнее своих коммуникативных эквивалентов (термин профессора В. М. Никитевича) – глаголов – в передаче аспектуально-акционсартной и залоговой семантики, могут подвергаться самым разнообразным трансформациям, особенно в условиях художественного текста, для реализации творческого замысла писателя.

В сфере глагола видовые (аспектуальные) значения наличия-отсутствия внутреннего предела действия часто «накладываются» на значения акционсартные (способов глагольного действия), представляющие «те семантические или семантико-словообразовательные группировки глаголов, которые приносят в глаголы значения начинательности, ограничительности, многократности и прочие значения, которые можно охарактеризовать как качественно-временные, не видовые значения, а также специальные характеристики достижения результата действия» [5, 259]. В сфере вербоидов эти значения более тонки, дифференцированы и разнообразны.

Морфемный способ – далеко не единственное средство реализации залоговых значений. Во-первых, образование возвратных глаголов не всегда возможно. Во-вторых, в процессе речи появляется множество ситуаций, потребности которых возвратные глаголы не способны удовлетворить, потому что «в славянских языках глагол не имеет самостоятельных и однозначных средств не только для выражения всего богатства и разнообразия типов субъектно-объектных отношений, заключённых в категории залога, но и для передачи отдельных залоговых значений» [6, 14]. С учётом того, что коммуникативная желательность пассива не только не ослабевает, но даже усиливается, языковая система мобилизует другие средства. В виду имеются употребляющиеся с глубокой древности коммуникативные эквиваленты глаголов – вербоиды или, как именует их В. Н. Державин, описательные обороты: «Пассивный описательный оборот создаёт ещё то несомненное практическое удобство, что он представляет собой незаменимый эквивалент пассивной (формально-возвратной) формы для глаголов, не допускающих при себе так называемого “прямого объекта”» [7, 55].

Понятно, что в условиях художественного текста заложенные в вербоидах интенционально-валентностные свойства функционируют не изолированно, а во взаимодействии со свойствами других различных по протяжённости сегментов текста, в интеграции вербоидов, в распределении компонентов вербоидов по различным предикативным частям, во включении в структуру вербоидов классификаторов и т. д.

Так, несмотря на то что многие вербоиды в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» имеют среди глаголов коммуникативно-синонимические соответствия (*подавать помощь – помогать, оказывать уважение – уважать, давать поручение – поручать, делать ошибки – ошибаться, одерживать победу – побеждать, сделать выстрел – выстрелить, испытывать наслаждение – наслаждаться, выражать восторг – восторгаться, находить подтверждение – подтверждать, получать свободу – освобождаться и др.*), однако они никоим образом не дублируют глаголов. Обратим прежде всего внимание на те вербоиды, которые имеют среди глаголов коммуникативно-синонимические соответствия: 1) «Кутузов, которого он догнал еще в Польше, принял его очень ласково, обещал ему не забывать его, отличал от других адъютантов, брал с собою в Вену и **давал** более серьезные **поручения** (поручал. – В.С.)» [8, 157]; 2) «Сидя в своей прежней классной комнате, на диване с подушками на ручках, и глядя в эти отчаянно-оживленные глаза Наташи, Ростов опять вошел в тот свой семейный, детский мир, который не имел ни для кого никакого смысла, кроме как для него, но который **доставлял** ему одни из лучших **наслаждений** (наслаждал. – В.С.) в жизни» [9, 12]; 3) «В сухом, отдаляющем взгляде, которым посмотрел на него государь, князь Андрей еще более чем прежде **нашел подтверждение** (подтвердился. – В.С.) **этому предположению**» [9 т. 2, 167]; 4) «Магницкий стал трунить над горячностью Столыпина, Жерве вставил шутку, и разговор **принял** опять прежнее, веселое **направление** (направился. – В.С.)» [9, 217]; 5) «Он **делал** тысячи различных **предположений** (предполагал. – В.С.) о том, как и с какой стороны победит зверь и как он будет травить его» [9, 261]; 6) «Одно, что нам остается умного сделать, это **заключить мир** (помириться. – В.С.), и как можно скорее, пока не выгнали нас из Петербурга!» [10, 47]; 7) «Князь Василий в этот день уже не хвастался более своим *protégé* Кутузовым, а **хранил молчание** (молчал. – В.С.), когда речь заходила о главнокомандующем» [11, 12]; 8) «Соня разрыдалась истерически, отвечала сквозь рыдания, что она сделает все, что она на все готова, но не **дала прямого обещания** (пообещала. – В.С.) и в душе своей не могла решиться на то, чего от нее требовали» [11, 33]; 9) «Войско **одержало победу** (победило. – В.С.), и тотчас же увеличились права победившего народа в ущерб побежденному» [11, 128]; 10) «Сидя вместе с офицерами за столом и разрывая руками, по которым текло сало, жирную душистую баранину,

Петя находился в восторженном детском состоянии нежной любви (любил. – В.С.) *ко всем людям и вследствие того уверенности в такой же любви к себе других людей»* [11, 147].

Как можно заметить, ни один из синонимичных с вербоидами глаголов не может быть употреблен в тексте.

В первом примере глагол *поручал*, во-первых, не может на лексическом уровне контактировать с трансформированным в наречие прилагательным *серьезные* с учетом литературной нормы («более серьезно *поручал*»), во-вторых, глагол *поручал* не передает той многократности действия, которая реализуется формой множественного числа входящего в состав вербоида существительного *поручение* и суффикса *-ва-* дериванта *давал*, и, в-третьих, акцентирует внимание только на видовой семантике – неопределенности действия.

Во втором примере глагол *наслаждал* не только не передает многократного способа глагольного действия (он реализует только грамматическую семантику несовершенного вида), но и особый избирательный характер этой многократности, реализуемой формой множественного числа существительного *наслаждение*, лексически контактирующего со словами *одни из лучших*.

В третьем примере вербоид *нашел подтверждение* реализует большую значимость процессуального факта, чем глагол *подтвердился*, который, кроме того, по литературным нормам не вступает в лексический контакт со словами *это предположение* («*подтвердился этим предположением*»).

В четвертом примере синонимичный глагол *направился*, приобретая разговорный оттенок, не сможет контактировать с лексически и грамматически зависимыми от существительного *направление* словами, трансформированными в наречия (*по-прежнему, весело*). Кроме того, в данном тексте вербоид *принял направление* грамматически самодостаточен, а синонимичный глагол требует распространения второстепенным членом предложения: *направился (куда?)*.

Не может быть семантически и структурно полноценной замена выражения «*делал тысячи различных предположений*» выражением «*тысячу раз предполагал*» в пятом примере, поскольку несколько ослабевает многократный и особенно избирательный, представленный прилагательным *различных*, характер акционально-статального факта из сферы субъективного мира.

В шестом, седьмом и девятом примерах глаголы *помириться, молчал, победило* не могут выразить необходимой значимости процессуального факта в тексте. Кроме того, вербоид *заклучить мир* имеет специализированное значение, употребляется в официально-деловой сфере, а глагол *помириться* – неспециализированное значение, принадлежит к разговорной сфере общения.

В восьмом примере вербоид *не дала обещания*, в отличие от глагола *пообещала*, характеризуется большей смысловой значимостью, вносимой остатками лексического значения дериванта *дала*, а также грамматической самодостаточностью: не требует распространения второстепенным членом предложения, отвечающим на вопрос *что?*

В десятом примере недостаточные дистрибутивные возможности глагольной словоформы *любил* не позволяют заменить вербоид *находился в состоянии любви*. Трансформация «восторженно, по-детски, нежно (или по-детски нежно) *любил*» может разрушить смысловую цельность данной фразы, ослабить ее содержательный стержень – значимость процессуального признака.

В романе-эпопее широко используются мощные потенциальные возможности вербоидов в процессе реализации различных залоговых значений. Так, вербоиды *получить назначение, находить поддержку* выражают семантику страдательного залога: «Анатолий Курагин *тотчас получил назначение* («назначился») *от военного министра и уехал в Молдавскую армию*» [10, 37]; «Воззрение это, *сильно распространенное в высших сферах армии, находило себе поддержку* (поддерживалось. – В. С.) *и в Петербурге, и в канцлере Румянцеве, по другим государственным причинам стоявшем тоже за мир*» [10, 29]. Если в первом примере однословный коммуникативно-синонимический эквивалент отсутствует, то во втором – существующая глагольная словоформа характеризуется разговорным оттенком и не вписывается в содержание текста.

Тот же разговорный оттенок не позволяет глагольной словоформе *помириться* «войти» в текст для передачи взаимно-возвратного залогового значения. Это значение реализует вербоид *заклчить мир*: «Одно, *что нам остается умного сделать, это заклчить мир, и как можно скорее, пока не выгнали нас из Петербурга!*» [10, 47].

Достаточно часто употребляются вербоиды с собственно-возвратным значением: «Как это бывает в первой молодости и особенно в одиноком положении, он *почувствовал* беспричинную *нежность* к этому молодому человеку и *обещал себе непременно подружиться с ним*» [8, 72]; «Неожиданно, при виде этой улыбки, Пьер *почувствовал содрогание* (содрогнулся. – В. С.) *в груди, щипанье в носу, и слезы затуманили его зрение*» [8, с. 83]; «Старый князь не *выказал ни малейшего интереса* (не заинтересовался. – В. С.) *при рассказе, как будто не слушал, и, продолжая на ходу одеваться, три раза неожиданно перервал его*» [8, 128]; «Мак *теряет целую армию, эригерцог Фердинанд и эригерцог Карл не дают никаких признаков жизни и делают ошибки* (ошибаются. – В. С.) *за ошибками, наконец, один Кутузов одерживает действительную победу, уничтожает 14 французов, и военный министр не интересуется даже знать подробности*» [8, 197]; «Первое время своего знакомства с Сперанским князь Андрей *питал* к нему *страстное чувство*

восхищения (восхищался. – В. С.), *похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарте*» [9, 177]; «*Полагая, что этими словами Анна Павловна слегка приподнимала завесу тайны над болезнью графини, один неосторожный молодой человек позволил себе **выразить удивление** (удивиться. – В. С.) в том, что не призваны известные врачи, а лечит графиню шарлатан, который может дать опасные средства*» [11, 9].

Вербойды с собственно-возвратным значением – единственные материальные выразители необходимого акционально-статального признака, воплощающие элементы художественного замысла писателя. Так, к вербойду *почувствовал нежность* нельзя подобрать даже разговорный или искусственный однословный коммуникативный эквивалент. Иными словами, словообразовательный механизм не может в данной ситуации «оказать помощь» писателю.

Более значимым по смыслу, коннотативному оформлению и дистрибутивным свойствам воспринимается вербойд «*невыразил ни малейшего интереса*», чем возможный коммуникативный эквивалент «*незаинтересовался*».

Необходимость употребления вербойда *делают ошибки*, вместо глагола *ошибаются*, объясняется прежде всего тем, что, в отличие от глагола, вербойд способен передать большую значимость акционально-статального признака с помощью дериванта *делают*. Кроме того, элементы структуры данного текста («за ошибками») не пропускают отмеченную глагольную номинацию.

Вербойдная структура «*питал чувство восхищения*» и глагол «*восхищался*» отличаются тем, что первый коммуникативный эквивалент передает эмоционально и экспрессивно более яркий предикатный признак, чем второй, через структурные компоненты *питать* и классификатор *чувство*.

В последнем случае писатель не употребил глагол *удивиться* как более радикальное средство материализации собственно-возвратного предикатного признака. Речевая ситуация повествования подсказала ему смягченный вариант – вербойд *выразить удивление* с «деликатно-ослабленной» семой в дериванте *выразить*.

На реализацию интенциональных возможностей вербойдов часто работает комплекс приёмов, используемых писателем: «*Всякий молодой человек, приезжавший в дом Ростовых, глядя на эти молодые, восприимчивые, чему-то (вероятно, своему счастью) улыбающиеся, девические лица, на эту оживленную беготню, слушая этот непоследовательный, но ласковый ко всем, на всё готовый, исполненный надежды лепет женской молодежи, слушая эти непоследовательные звуки, то пенья, то музыки, **испытывал** одно и то же **чувство готовности к любви и ожидания счастья, которое испытывала и сама молодежь дома Ростовых***» [9, 48]. Во-первых, в один комплекс

объединены, интегрированы два вербоида: **испытывать любовь и испытывать счастье**. Это позволяет эксплицировать и интенсифицировать семантику многократности в десемантизированном глаголе несовершенного вида *испытывал*, акцентировав на ней внимание. Во-вторых, осуществлена конкретизация семантики именных компонентов **любовь и счастье** распространенными классификаторами (термин М. В. Всеволодовой) **чувство готовности** (к любви) **и чувство ожидания** (счастья). В-третьих, компонент **счастье** получает семантическое подкрепление повтором десемантизированного глагола-derivанта **испытывала** с заместителем этого компонента местоимением **которое**, что, в свою очередь, создаёт эффект результативности происходящего, несмотря на несовершенный вид употреблённых форм.

В романе широко представлены вербоидные структуры, где грамматически господствующую роль играет существительное. Использование Л. Н. Толстым этих конструкций преследует цель – сделать семантическим центром того или иного повествовательного сегмента именной компонент трансформированного вербоида: «*На лице Анны Михайловны выразилось сознание того, что решительная минута наступила*» [8, 99]; «*В последнее время, после приезда государя из армии, произошло некоторое волнение в этих противоположных кружках-салонах и произведены были некоторые демонстрации друг против друга, но направление кружков осталось то же*» [10, 134]; «*В Петербурге, еще до получения известия об оставлении Москвы, был составлен подробный план всей войны и прислан Кутузову для руководства*» [11, 79]; «*...но событие это совершилось на глазах наших отцов, для которых решался вопрос жизни и смерти отечества, и война эта была величайшая из всех известных войн...*» [11, 129];

Итак, вербоиды располагают мощным и мобильным интенционально-валентностным потенциалом, который удивительно тонко используется гениальным писателем Л. Н. Толстым, выдающимся мастером русского художественного слова, на страницах романа-эпопеи «Война и мир». Дальнейшее исследование вербоидов и вербоидных комплексов, функционирующих в художественном тексте, даст возможность более глубоко и основательно изучить их лексический, морфологический и деривационный потенциал как весьма важных коммуникативных эквивалентов глаголов.

Литература

1. Сидорець, В. С. Проблема статусу вербоїдів у східнослов'янських мовах: стан і перспективи дослідження / В. С. Сидорець // Мовознавство. – Київ, 2003. – № 6. – С. 33–41.
2. Сидорець, В. С. Структурно-семантичні межі між вербоїдами, презентантами номінативної деривації, і синтаксическими словосочетаннями і пропозиціями / В. С. Сидорець // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – Мазыр, 2008. – № 2(19). – С. 72–78.

3. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1987. – № 3. – С. 20–32.
4. Мухин, А. М. Валентность и сочетаемость глаголов / А. М. Мухин // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1987. – № 6. – С. 52–64.
5. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
6. Антанюк, Л.А. Станавья значэнні сумеснасці і ўзаемнасці ў беларускай мове / Л. А. Антанюк. – Мн.: Навука і тэхніка, 1981. – 128 с.
7. Державин, В. Н. Описательный актив и пассив / В. Н. Державин // Русский язык в советской школе. – М.: 1931. – № 1. – С. 37–59.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 4 : Война и мир. Т. 1. – 400 с.
9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 5 : Война и мир. Т. 2. – 429 с.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 6 : Война и мир. Т. 3. – 447 с.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т / редколлегия: М. Б. Храпченко (главный редактор) [и др. ; комментарии А. В. Чичерина]. – Москва : Художественная литература, 1978–1985. – Т. 7 : Война и мир. Т. 4. – 431 с.